

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ**М.А. БАКУНИН: БУНТ ПРОТИВ РАЗУМА**

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.90.1459

*Авдеева Л.Р.**

Факты биографии М.А. Бакунина, его сочинения, воспоминания современников свидетельствуют о натуре кипучей, бескомпромиссной, в чем-то даже фанатичной. «Никто из русских деятелей не умел так свежо донести до могилы свою молодость, как Бакунин, никто не умел так тонко, глубоко и вровень с собою понимать молодежь... А отсюда следует и объясняется тот и факт, что никто не умел и сильнее действовать на молодежь, захватывая ее под свое обаяние равенством старшего, товариществовать с нею...», писал А.В. Амфитеатров, подчеркивая в его характере «полное отсутствие самолюбия», «полнейшую атрофию способности остерегаться», склонность к мгновенным увлечениям и столь же быстрым разочарованиям [А.В. Амфитеатров, 1906, с. 19 – 20]. Со своей стороны, защищая права скептицизма, предполагающего отказ от авторитаризма, Бакунин признавался: «У меня нет абсолютной веры ни к кому. Такая вера была бы роковою для моего разума, моей свободы и для успеха моего предприятия» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 168]. Не строгая логика теории, а необычность и яркость выдвинутых им идей, бурная революционная деятельность делали его фигурой, притягательной для всех, кто сочувствовал социалистическим и демократическим идеям, мечтал об их претворении в действительность. Новая эпоха – век предприимчивости и разрушения традиционных устоев – породив бунтаря и мечтателя, нашла в его лице и язвительного обличителя.

Мировоззрение М.А. Бакунина постоянно эволюционировало, и лишь относительно 60-х – 70-х гг. XIX века можно говорить о его философской концепции как сложившейся и относительно стабильной. Преимущественный интерес к проблемам «чистой философии» характерен в основном для двух периодов жизни Бакунина – конца 30-х и начала 70-х, когда им были написаны статьи «О философии» и «Философские размышления о божественном призраке, о действительном мире и о человеке». Это объясняется не только его вовлеченностью в революционные события и потребностью в первую очередь дать истолкование сложным общественно-политическим процессам своего времени, но и специфической трактовкой соотношения жизни и теории, невысокой оценкой абстрактных, в том числе научных, построений вообще.

Главный смысл своих воззрений Бакунин видел в противостоянии религиозно-идеалистическим системам истолкования мира.

«Идеализм, – полагал он, – разделяя абсурдные идеи о Боге, о бессмертии душ, о врожденной свободе личности, ее моральной независимости от общества, приходит роковым образом к освящению рабства и безнравственности... Реальная наука, материализм и социализм... именно потому, что они исходной точкой берут материальную природу и естественное и примитивное рабство людей, потому что они ищут эмансипации людей не вне, но в среде общества, не во вражде с ним, но через него, должны привести также необходимо, последовательно к установлению наиболее широкой свободы личности и человеческой морали» [М.А. Бакунин, 1918, с. 34]. Обыденный человеческий опыт и здравый смысл, признание зависимости людей от природы – немислимые без материализма, эволюционизма и атеизма – он считал прочной основой, на базе которой возможно ниспровержение отживших догм и пустых авторитетов, утверждение человеческого достоинства.

Бакунин – продолжатель традиции антропологизма в русской философии. Определение сущности человека, размышления о его положении в современном обществе становятся исходной точкой в решении им философско-исторических и социально-политических вопросов: «три элемента, или, если угодно, три основных принципа составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории, как индивидуального, так и коллективного: 1) человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первой соответствует собственно социальная и частная экономия, второму – наука; третьему – свобода» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 147]. Эта дефиниция является основополагающей в его философии и вообще одной из немногих, обычно он использует понятия-образы, которые видоизменяются в зависимости от контекста.

Будучи почитателем философии Гегеля, Бакунин склонен рассматривать материальный мир, историю, человеческое познание в развитии – «от простого к сложному, снизу вверх или от низшего к высшему» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 149]. Вселенная столь многообразна и изменчива, что природа вещей должна быть понята как непрерывное превращение, способность «действительно существовать в том, что постоянно перестает быть, и не существовать действительно в том, что остается общим и неизменным» [М.А. Бакунин, 1987, с. 440]. Она может быть постигнута лишь в идеале – единой мировой наукой, к созданию которой стремится человек. Развивая

* Авдеева Людмила Ростиславовна, кандидат философских наук, ст. научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел. 8-495-939-24-08

частные науки и обобщая коллективный опыт предшествующих поколений, он пытается проникнуть в сокровенное бытие вещей, которое «отнюдь не недоступно, но которое неуловимо для науки» [М.А. Бакунин, 1987, с. 439]. Человеческое познание не всеильно, но не из-за того, что сталкивается с обозначенной божеством границей между тем, что доступно и недоступно разуму, а потому, что перед ним открывается «мир бесконечный в богатстве своих частностей, никакое наблюдение которых, никакое знание которых никогда не смогут исчерпать» [М.А. Бакунин, 1987, с. 349]. Это вынужденное и «по необходимости вечное» незнание, но оно не должно быть дополнено теологическими и метафизическими иллюзиями или послужить основанием для заключений об ограничении человеческих притязаний в мире. Напротив, «роковая незавершенность» знания – это одно из бесчисленных проявлений «возбуждающего действия бесконечных стремлений» человека, являющихся движущей силой его познания, творчества, деятельности. «Именно домогаясь невозможного, человек всегда осуществлял и распознавал возможное» [М.А. Бакунин, 1987, с. 403], его вдохновляет преодоление всех препон и запретов, поэтому понимание беспредельности стоящих перед ним задач никогда не порождает апатии и разочарования. По Бакунину, он будет искать выход и из сферы отвлеченно-теоретического познания в мир «действительной жизни», так как замкнутая на себе самой мысль никогда его не удовлетворит.

Неискоренимая, врожденная любознательность человека, благодаря которой он выделяется из животного мира, обретает большую свободу от природной зависимости, вместе с тем становится и источником его нового рабства. Естественная способность человеческого ума к абстрагированию приводит к созданию идей-фантомов, которые принимаются им за реальности. Мысль неминуемо стремится к своему пределу, к «абсолютной абстракции», к идее верховного существа, бога, постоянно создавая предпосылки для возрождения религии. Бакунин пытается создать концепцию, которая не позволяла бы мистифицировать действительность, навязывать ей созданные человеческим воображением представления о «предустановленных» законах, управляющих миром, и о сверхъестественной силе, порождающей эти законы. Обосновать последовательно антипротидеистскую теорию возможно, по идее Бакунина, если изначально принять определение материи как «действительной совокупности всего, что есть». Не замечая, что это банальная тавтология, он полагает, что отбросил, наконец, все представления, что вне материального мира, помимо его или над ним существует нечто идеальное, или дух, обладающий атрибутами движения, силы, жизни, ума и обращающий тем самым материю в бесформенную косную массу. Он просто включает в понятие материи весь идеальный мир: «Под словами

материя и материальное мы подразумеваем тотальность, всю лестницу действительных, известных и неизвестных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения: самые возвышенные чувства, величайшие мысли, героические акты... так же как и проявления органической жизни, химические свойства и действия, электричество, свет, теплота, естественное притяжение тел, составляют, на наш взгляд, отдельные, но тесно связанные между собою проявления тотальности действительных существ, которую мы называем материей» [М.А. Бакунин, 1987, с. 525]. Таким образом, он открывает для себя потрясающие перспективы: отныне все, что будет им сказано, – материально, то есть реально. Надежды, чаяния, утопические мечтания обретают действительную мощь, а человек превращается в существо не только активное, но и всеильное.

Бакунину представляется, что он дал строгое обоснование необходимости элиминации божественного вмешательства в естественно сложившуюся упорядоченность природы: «только то, что материально, может воздействовать на материальное» [М.А. Бакунин, 1987, с. 381]. Единство динамичной, вечно превращающейся Вселенной, всеобщая взаимосвязь есть равнодействующая, производимая «одновременным действием всех частных причин». В результате непрерывного действия этой всемирной причинности, представляющей собой «сумму непрерывных преобразований всех действительных существ, так же как их постоянных действий и противодействий» [М.А. Бакунин, 1987, с. 308], происходит возникновение нового, «непреднамеренно» творятся и уничтожаются люди, миры, «общество со всеми его прошлыми, настоящими и будущими проявлениями» [М.А. Бакунин, 1987, с. 345]. То, что человек называет законом, есть «неизменный способ, посредством которого постоянно воспроизводится... неизменная последовательность фактов, которая его образует» [М.А. Бакунин, 1987, с. 347]. Природное – где господствует и роковая неизбежность, и случайность, – максимально сближается с социальным, слагающимся из тех же комбинаций и необходимых, и стихийных, и спонтанных сил. Естественные законы – и на этом Бакунин делает особый акцент – несовместимы с существованием творца, носителя произвола и хаоса. Отсюда им делается важный вывод, в котором нейтральные онтологические положения оказываются неразрывно связанными с его социально-политическими идеалами: «... все законы, которые проистекают от законодателя, будь то человеческого, божественного, индивидуального или коллективного, даже если он избран всеобщим голосованием, суть законы деспотические, непременно чуждые и враждебные людям и вещам, которыми они должны управлять: это – не законы, а декреты, которым повинуются не по внутренней потребности и естественному

стремлению, но потому, что принуждены к тому внешней силой – либо божественной, либо человеческой» [М.А. Бакунин, 1987, с. 352].

История человеческого общества изображается Бакуниным как естественный, материальный, даже фатальный процесс, повторяющий объективную логику развития природы. Это подспудное, стихийное складывание «естественного общества», или «естественного образа существования человеческого коллектива» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 3, с.181.] на основе закрепления в традициях и обычаях связей, взаимоотношений, способов жизнедеятельности, характерных для различных социально-исторических общностей. В то же время она трактуется как длительная эволюция превращения дикаря в индивида, базирующаяся на цепи волевых актов, содержание которых составляет «прогрессивное удаление от чистой животности посредством создания своей человечности» [М.А. Бакунин. 1919 – 1922, т.3. с. 160]. История интерпретируется как процесс, который происходит под влиянием заявляющего о своих правах человеческого разума и возрастающего стремления человека к переустройству окружающего мира сообразно своим прогрессирующим потребностям.

Разум первобытного человека, уже способный составить отвлеченное представление о враждебных людям сверхъестественных силах, но еще не умеющий ни критически оценить эти идеи как свои собственные порождения, ни объяснить всемогущее чувство зависимости от природы, – первоначально пробуждается «в форме божественной неразумности». Его закономерным продуктом становится религия – иллюзорное представление о господствующем над человеком всемогущим божестве. В дальнейшем возникает церковная иерархия, свод догматов, религия становится законодателем, превращая свое духовное влияние в политическое всевластие и подавляя «человеческие, земные, чувственные страсти, цивилизацию и культуру ума – все то, что с человеческой преходящей точки зрения необъятно» [М.А. Бакунин, 1918, с. 7]. Освящая покорность, религия переносит справедливость и братство на небо и оставляет на земле царство силы. Право сильного господствовать над слабым возводится в закон, метафизика порождает юриспруденцию, «религиозное сознание создает государство в естественном обществе» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 3, с. 181]. Государство – это превращенная в культ сила, отрицающая ценность жизни, требующая жертв от индивидов, ассоциаций, народов, оно укрепляется не процветанием, а послушанием страдающих под его гнетом людей. «Государство по сущности своей есть громадная кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни, всех интересов частей, которые и составляют, все вместе, общество» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 4, с. 89].

История человечества предстает как создание не вполне свободным сознанием человека идей-фантомов, взаимодействующих между собой и сменяющих друг друга, и последовательное освобождение от них, в результате выявления их иллюзорности. Возрождение и реформаторские движения, концепции национальных и социальных революций, доктрины освобождения от экономической эксплуатации и государственного насилия – таковы, по Бакунину, идеалы, соответствующие этапам исторического поступательного движения, вехи «возвращения в жизнь всех абстракций, созданных ими (людьми – Л.А.) в своем историческом развитии» [М.А. Бакунин, 1987, с. 443]. История общества является процессом освобождения от природной зависимости, против которой человек восстает, «дабы в этом мире слепой фатальности он мог основать царство свободы» [М.А. Бакунин, 1987, с. 310]. Человек «вынужден завоевывать свою свободу» [М.А. Бакунин, 1987, с. 379], он буквально обречен на борьбу и преодоление, ум, воля, деятельность его сконцентрированы на достижении цели, которая не под силу иным существам – он объявляет вызов фатуму абсолютного господства. Но привносимые человеком и возведенные им в культ запреты и ограничения играют и деструктивную роль в общественном развитии. Поэтому стремление человека к свободе должно быть связано с возвращением к реальностям мира, с отказом и от обоготворенных продуктов человеческого разума, и от пренебрежения своими материальными интересами, которые извечно приносятся в жертву «отвлеченным и фиктивным интересам» [М.А. Бакунин, 1987, с. 373].

Эту двойственность истолкования истории Бакунин осмысливает с точки зрения антропологизма как «противоречие между нашим действительным существом и нашим думающим существом» [М.А. Бакунин, 1987, с. 443], причем «думающее существо» нередко представляется силой, навязывающей жизни чуждые ей абстрактно-мыслительные конструкции. Параллельное развитие взаимодействующих, переплетающихся, отрицающих друг друга исторических закономерностей – реального поступательного прогресса, стихийного творения коллективных заблуждений и постепенного освобождения от них – составляет содержание истории. «Не следует смешивать, – отмечал Бакунин, – социологических законов (законы общественной физиологии) (которые обязательны для человека) с законами политическими, уголовными и гражданскими» [М.А. Бакунин, 1987, с. 333]. Последние он истолковывал как результаты иллюзорного индивидуального и коллективного сознания.

Подобное понимание сущности истории приводило к тому, что он полагал государство внешней силой, в значительной мере навязанной, противостоящей и индивиду, и гражданскому обществу как естественноисторическому

образованию, следствием чего было представление о легкости «отмены» государства.

Пафос Бакунина, направленный против любого человеческого и сверхчеловеческого диктата, часто оборачивался антисциентистскими высказываниями, несмотря на то, что он продолжал ратовать за просвещение масс и считал науку, разум той силой, которая позволила ему вырваться из царства животных. «Горе было бы человечеству, – писал он, – если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и естественным руководителем жизни, если бы науки и учение стали во главе общественного управления» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 1, с. 237]. Уверенность в том, что мысль важнее и значительнее жизни, извращает, по Бакунину, их реальную взаимосвязь. Теряется представление о существовании живительного источника постоянного обновления идей, внутренний импульс развития науки. Из средства человеческого освобождения она превращается в порабощающую силу, лишает народ права на самостоятельное историческое творчество, обрекает его на ожидание «непогрешимых» теоретических указаний и пассивное следование им. «Народы, творящие свою историю, – убежден Бакунин, – не беднее инстинктом, не слабее творческой мощью, не зависимее от г.г. ученых, чем художники» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 3, с. 156].

Наука, провозгласившая себя обладательницей абсолютной истины, полагал Бакунин, способна стать еще одним – вслед за религией и государством – фантомом, стоящим над человеком и подчиняющим его себе. Каста жрецов, средневековое сословие книжников, ученые, присвоившие себе право судить жизнь и руководить ею, – явления сопоставимые и практически одинаковые. Догматическое почитание авторитета, презрение к непосвященным, приверженность букве, неприятие новых идей – усматривая в современной ему науке эти признаки окостенения, отрыва от жизни, Бакунин истолковывает их как фатально сопровождающие науку. Когда они становятся явными и наука провозглашается единственным и непогрешимым способом понимания мира – это свидетельствует о начавшемся процессе ее самоуничтожения. Любая абстрактная сущность, будь то форма общественного сознания или социально-политический институт – как только ей приписывается надчеловеческий характер и право воздействия на общество «сверху вниз» – неминуемо превращается в отчужденный, обреченный на отмирание, опасный для жизни абсолют. Наука, превратившаяся в псевдонауку, еще долгое время способна иссушать жизнь, ограничивать и ломать ее в угоду своим искусственным доктринам. Единственным правом науки, по его убеждению, является «распространение и внедрение в умы своих научных выводов и положений посредством совершенно свободной пропаганды» [М.А. Бакунин, 1987, с. 331.]. Необходимо отбросить

любые «официальные формы» ее воздействия и предрассудок о праве ученых на какие бы то ни было привилегии, так как именно пользование ими превращает ученых из бескорыстных служителей истины в людей, "со-заинтересованных в поддержании как политической, так и социальной лжи» [М.А. Бакунин, 1987, с. 375]. Безусловно, он имел в виду в первую очередь идеологизированные теории – теологию, юриспруденцию, политические учения, – ведь только применительно к ним имело смысл говорить и о пропаганде, и об искоренении «официальных форм» воздействия. И все же негативизм по отношению ко всей науке – неотъемлемая черта его мировоззрения. Отчужденные формы бытия науки он склонен отождествлять с наукой как таковой, а потому прогресс в области науки и искусства, по его мнению, «все больше становится причиной умственного, а, следовательно, и материального рабства, причиной нищеты и умственной отсталости народа» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 4, с. 45].

По Бакунину, жизнь всегда шире теории, стихийное бытие масс инстинктивно, но оно богаче содержанием, чем доктрины, призванные «поднять» сознание народа до уровня интеллекта развитых сословий. Двойственное отношение Бакунина к науке, в котором уживалась мечта о времени, когда она станет «всеобщим достоянием», «коллективным сознанием общества», и ограничением ее компетенции «единственной миссией освещать жизнь, но не управлять ею» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 193], детерминируется сферой «непосредственной политики». Всепоглощающая страсть Бакунина – ускорить «недопустимо медленный» ход истории, увидеть человечество освобожденным из-под ярма государственной принудительности и социального неравноправия – диктует ему выбор средств и методов борьбы. Не только поэтапный, эволюционный путь развития, но и длительная подготовка народных масс к революции, к чему призывает П.Л. Лавров, кажутся ему неприемлемыми. Бакунин, противореча самому себе, – в логике, но не в чувстве, которое неизменно диктует ему немедленное действие, граничащее с политическим авантюризмом, – фактически исключает разум из числа факторов, действующих в истории. Исповедуемый им «бунт жизни против науки» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 193] заканчивается проповедью идеи невмешательства разума в процесс масштабного исторического разрушения или созидания.

Первичность «творческой страсти» спонтанного обновления цивилизации по сравнению с реальными условиями человеческого существования и его разумом оборачивается социально-историческим и культурным ликвидаторством. Основой социальной революции Бакунина оказывается не только игнорирование, но и принесение материальных условий и продуктов разумного творчества человека в жертву «творчеству историческому». Бакунин осознает

неизбежность человеческих и культурных потерь, которыми обернутся социальные потрясения, он предвидит снижение уровня науки, что будет, якобы, компенсировано более широким, чем прежде, ее распространением. Концепция социальной революции Бакунина основана на уверенности, что прошлое нельзя изжить, с ним нужно порвать. Реальные черты результатов революции стираются под воздействием мощного накала эмоционального пафоса «Фауста революции», желающего увидеть в ближайшем будущем вынашиваемый идеал – «инстинктивный и страстный протест человеческого существа против узости, плоскости, страданий и стыда жалкого существования» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 2, с. 158]. Предельная неконкретность этого идеала ничуть не смущает автора, внешние – природные и социальные – условия человеческой деятельности превращены здесь лишь в подлежащую преодолению преграду, в нечто незначительное по сравнению со всемогущей революционной страстью, для которой главным препятствием оказывается лишь субъективная неготовность к бунту, отсутствие воли и «инициативы мысли». С этой точки зрения отрицанию подлежит и само ранее провозглашенное самоценным естественное человеческое общество, как «единственная среда, в которой может зародиться и развиваться индивидуальность и свобода личности» [М.А. Бакунин, 1918, с. 4]. Реализовать возможность немедленного продвижения вперед мешает даже «коллективное сознание общества», которое «образует окружающую среду, нечто вроде интеллектуальной и моральной атмосферы, вредной, но необходимой для существования всех членов общества» [М.А. Бакунин, 1918, с. 19]. Оказывается, что эта не подверженная мгновенному изменению духовная целостность и есть главная преграда быстрому освобождению и развитию человеческого рода. Человек, по Бакунину, «освобождается от тройного ига, которое ему навязывает сначала внешняя природа, затем его собственная природа и, наконец, общество, продуктом которого он является» [М.А. Бакунин, 1987, с. 387].

Свобода – как цель человеческих стремлений – в такой трактовке предстает бессодержательным понятием, тождественным абсолютному перманентному отрицанию. Ставится под сомнение даже бакунинское требование предоставить жизни «полноту самопроизвольности» после устранения государственного насилия. По логике его рассуждений, естественному человеческому обществу, освобожденному от давления политических систем, от принудительного навязанного «управления» и «регулируемости», предстоит стать свободно организующимся. Однако новому процессу социообразования противостоит провозглашенная высшей ценностью отдельная личность, не останавливающаяся перед разрушением общества как такового и не желающая знать никаких имманентных законов его

становления и функционирования. Исторически сложившиеся связи и отношения между людьми, группами, сословиями, народами, закрепленные в формах производства, торговли, общения, составляющие основу человеческого общества, оказываются несвободными от насилия иного рода, связанного с революционным преодолением существующего путем его абсолютного отрицания и разрушения. Бакунину не удается разорвать порочный круг насилия над индивидом и человеческим коллективом. Он декларирует возможность совпадения интересов личности и общества: «Свобода личности логическая необходимость коллективного развития человечества» [М.А. Бакунин, 1918, с. 10]. Однако в его трактовке эта идея остается неосуществимым пожеланием, поскольку он не представляет себе, каким образом возникнет всеобщая солидарность в обществе, где господствует стихия постоянного преодоления и отрицания. Для личности, главным императивом которой было освобождение от своей животности, оказываются узкими и рамки социальности как таковой, и ограничения, которые накладывает на нее собственная умственная деятельность.

Гармонического сочетания эгоистического «инстинкта сохранения индивида» и социально-альтруистического «инстинкта сохранения вида» не получилось, упования на исторически передаваемое совершенствование мозга и нервной системы как гарантов прогресса и будущую гуманизацию общества остались несбыточной мечтой. Назвать законом человеческого общества нарастающую социальную солидарность и прогрессирующую эмансипацию личности недостаточно, необходимо указать реальные пути и продумать средства достижения этих целей. Федерация индивидов, ассоциаций, общин, земледельческих и промышленных товариществ, областей и народов, восходящая к «общечеловеческому братству», не возникает в результате перманентного отрицания реальных условий бытия. Кроме того, процесс «творческого» исторического разрушения противостоит представлению самого Бакунина о развитии как постепенном усложнении и оказывается, таким образом, неестественным и даже невозможным движением истории вспять, к своим истокам.

Бакунин увлекает читателя в лабиринты созданных его воображением фантомов, где очевидные утверждения переплетаются с парадоксальными, придавая последним вид вполне тривиальных. Корреляция с классической философией поддерживается традиционными способами: последовательность изложения не нарушена, она дополняется демонстрацией знания конкретных исторических фактов и персоналий, опорой на известные тексты, корректным прочтением произведений своих предшественников. Вовлеченность в революционные движения своей эпохи и благодаря этому широкая известность, а также «ореол мученичества» придают словам Бакунина какой-то

особый смысл. Интеллектуально прозрачное и литературно утонченное письмо нацелено на доказательство общезначимости и универсальности его философских построений. Однако за логическим изложением, не посягающим, казалось бы, на сложившиеся философские, литературные, эстетические каноны, скрывается нарушение законов непротиворечивости. Утверждая онтологическую изначальность «животности», «разумности» и «бунта» в человеческой природе и в природе социального бытия, он по сути описывает не сосуществование их, а столкновение и отчаянную борьбу. Основопологающей характеристикой бытия становится процесс последовательного и неизбежного разрушения этой триады одним из ее членов. Таким образом, для Бакунина они неравнозначны по силе и влиянию, по темпоральной укорененности: изживание «материальности» и «разумности» изображается как естественный процесс становления общества и человеческой личности. Видимо, назвать основной и единственной качественной характеристикой человека «бунт» выглядело бы как окончательный произвол автора и оттолкнуло бы от него подавляющую часть читателей, которые принадлежали к разнородным социальным слоям общества, но отнюдь не отождествляли себя с маргиналами. Бакунин утверждает, что страстная потребность человека к освобождению от реальных условий и обстоятельств своего существования, от политических, религиозных и повседневных общественных отношений первична. Вызывающая симпатию читателя идея освобождения личности от мелочной утилитарности, от тяжелой социальной-экономической детерминированности оказывается провокативной. Вовлекая собеседника

в круг искусно выстроенных силлогизмов, Бакунин подводит его к приятию утопической и даже абсурдной идеи приоритета принципа разрушения во всех сферах индивидуального и общественного бытия.

Апеллируя к идее абсолютной свободы, Бакунин вовсе не предполагает права читателя на многозначность толкования своего замысла. Тот уже опутан тенетами словесной эквилибристики автора, пленен его безусловным авторитетом, подавлен превосходством и буквально вынужден прислушиваться к каждому его слову. «Бунт» – уникальное понятие и характеристика – оказывается бессодержательным и обнаруживает свой смысл лишь в отрицании и разрушении всего более или менее определенного, исторически сложившегося. Свобода, которую он называет инстинктивной и мыслит выведенной за рамки осознанного бытия, из-за чего она максимально сближается с «животностью», то является константой, то поддается «развитию историей», то видится ему единственной средой, «где может развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей» [М.А. Бакунин, 1919 – 1922, т. 4, с. 250]. Попирая разум и отвергая плоды его деятельности, необходимо достигнуть свободы, как «цели исторического развития», как условия грядущего расцвета ума!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амфитеатров А.В. Святые отцы революции. М.А. Бакунин. СПб., 1906.
 Бакунин М.А. Бог и государство. 1918.
 Бакунин М.А. Избранные сочинения. В 5 т. Пг., 1919 – 1922.
 Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.